

ПИТЕР МЭЙ
СКАЛА

P E T E R M A Y
THE BLACKHOUSE

ПИТЕР МЭЙ СКАЛА

Перевод с английского
Алены Цапенко

издательство
астрель

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

М97

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Мэй, П.

М97 Скала : роман / Мэй ПИТЕР; пер. с английского А.ЦАПЕНКО. — М.: Астрель : CORPUS, 2012. — 480 с.

ISBN 978-5-271-44036-6 (ООО "Издательство Астрель")

Сюжет романа "Скала" разворачивается на острове Льюис, далеко от берегов северной Шотландии. Произошло жестокое убийство, похожее на другое, случившееся незадолго до этого в Эдинбурге. Полицейский Фин Маклауд родился на острове, поэтому вести дело поручили именно ему. Оказавшись на месте, Маклауд еще не знает, что ему предстоит раскрыть не только убийство, но и леденящую душу тайну собственного прошлого.

Питер Мэй, известный шотландский автор детективов и телесценарист, снимал на Льюисе сериал на гэльском языке и провел там несколько лет. Этот опыт позволил ему придать событиям, описанным в книге, особую достоверность. Картины сурового, мрачного ландшафта, безжалостной погоды, традиционной охоты на птиц погружают читателя в подлинную атмосферу шотландской глубинки.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-271-44036-6 (ООО "Издательство Астрель")

© Peter May, 2011

© А.Цапенко, перевод на русский язык, 2012

© А.Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012

© ООО "Издательство Астрель",

Издательство CORPUS ®

Там я оставил все, чем был, —
Уже ясна утрата:
Пути, где счастлив, я бродил,
Куда мне нет возврата.

А. Э. ХАУСМАН,
*цикл “Парень из Шропшира”*¹

Tri rudan a thig gun iarraidh:
an t-eagal, an t-eudach ‘s an gaol.
(Три вещи приходят без спроса:
страх, любовь и ревность)

Гэльская пословица

*Стивену, с которым я бродил
по тем счастливым путям*

Благодарности

Я хотел бы выразить сердечную благодарность тем, кто так великодушно предоставил в мое распоряжение свои время и знания, пока я работал над “Скалой”. В особенности я хочу поблагодарить патологоанатома Стивена Чепмена, доктора медицины, судебно-медицинского эксперта, Сан-Диего, Калифорния; Дерека (Плуту) Мюррея, гэльского актера и телеведущего; сержанта Джорджа Мюррея, Северное отделение полиции, Сторновэй, остров Льюис; Джона “Додса” Макфарлейна, Ангуса “Бобби” Моррисона и Ангуса “Энджи” Ганна, охотников на гугу, Несс, остров Льюис; Калума “Пагуоша” Мюррея и Мердо “Бега” Мюррея, капитана корабля “Вересковый остров” и его первого помощника, Сторновэй, остров Льюис; Дональда Макритчи, учителя математики и географии в школе “Лайонел”, Несс, остров Льюис; Эвелин Кулл, гэльскую актрису и телеведущую; доктора Брайана Мичи, врача общей практики, судебно-медицинского эксперта и временно исполняющего обязанности патологоанатома, Сторновэй, остров Льюис; An Comunn Eachdraidh, Несское историческое общество, Несс, остров Льюис. Мне также хотелось бы поблагодарить Джона Битти за его

книгу “Сула. Морские охотники Льюиса”: его описания и фотографии позволили мне многое узнать о ежегодном паломничестве мужчин Несса на остров Сула-Скерр для промысла двух тысяч гут. Кроме того, я хотел бы выказать особую благодарность жителям острова Льюис за теплоту и щедрость, которые они проявляли по отношению ко мне в те пять лет, что я вел съемки на острове, и позже, когда я собирал материал для этой книги.

Пролог

Они еще дети. Им по шестнадцать лет. Осмелев от алкоголя, с воскресеньем, идущим по пятам, они уходят в темноту.

Ветер сегодня неожиданно легкий и в кои-то веки теплый — как дыхание на коже, нежный и волнующий. Легкая дымка в августовском небе скрывает звезды, но почти полная луна заливает бледным, бескровным светом плотный, мокрый после отлива песок. Море тихо дышит на берег, пена слегка светится — серебристые пузырьки на золоте. Влюбленные спешат вниз по бетонной дорожке от деревни, и кровь стучит у них в висках, как неумолчный шум волн.

Слева едва заметно волнуется вода крохотной гавани. Слышно, как скрипят канаты и привязанные к ним лодки. Лодки игриво толкаются боками, деревянные борта стучат друг о друга.

Уильям держит девушку за руку, чувствует ее возбуждение. Ее дыхание было сладким от алкоголя,

а поцелуй — нетерпеливым. Уильям знает, что сегодня она наконец согласится. Но времени так мало! Воскресенье близко, слишком близко. Прежде чем фонари остались позади, он украдкой взглянул на часы: у них в запасе всего полчаса.

Дыхание Кейт стало частым. Она боится, но не секса, а отца, который сидит в этот миг у камина и смотрит, как дотлевают торф. Многолетний опыт позволил ему сложить брикеты так, чтобы к началу дня отдохновения огонь полностью догорел. Кейт чувствует, как нетерпение отца превращается в гнев: приближается полночь, а дочь до сих пор не пришла. Неужели на этом богобоязненном острове ничто не меняется?

Мысли толкутся у нее в голове, заглушают и желание, и действие алкоголя, из-за которого она стала более податливой. Всего каких-то несколько часов назад казалось, что субботний вечер в клубе будет длиться вечно. Но время идет так быстро, когда оно нужнее всего! И вот его почти не осталось.

Паника и страсть теснятся в груди Кейт, когда они с Уильямом проходят мимо старой рыбацкой лодки, косо стоящей на гальке выше воды. Сквозь открытую часть эллинга виден пляж, заключенный в рамы незастекленных окон. Море будто светится изнутри. Уильям отпускает руку Кейт, открывает деревянную дверь — совсем немного, только чтобы можно было протиснуться внутрь, — и вталкивает девушку в эллинг. Здесь темно, пахнет соляной водой,

водорослями и морской водой — таков на острове запах торопливого подросткового секса. Темный силуэт лодки на трейлере нависает над ними, два маленьких квадратных окна, словно два глаза, смотрят на берег.

Парень толкает девушку к стене и начинает целовать ее, пробиваясь языком между ее губ и сжимаемая мягкие груди. Кейт больно, она отталкивает Уильяма:

— Не так грубо!

Ее дыхание, словно гром, отзывается в темноте.

— У нас нет времени, — в его голосе напряжение, исполненное страсти и тревоги. Девушка начинает сомневаться. Разве ей хотелось, чтобы ее первый раз был таким — несколько жалких минут в темном, грязном эллинге?

— Нет, — Кейт толкает парня и делает шаг в сторону, к окну — вдохнуть ночного воздуха. Если они поспешат, можно вернуться домой до полуночи.

Темная фигура выплывает из тени — плавная, холодная, огромная. Девушка невольно вскрикивает.

— Бога ради, Кейт! — Уильям спешит к ней, к его страсти и тревоге добавилась досада. Внезапно он начинает скользить, как будто встал на лед. Юноша падает на локоть, руку пронзает острая боль.

— Черт!

На полу разлита солярка. Брюки сзади уже пропитались ею, и руки Уильяма тоже запачканы. Не думая, он достает из кармана зажигалку. Здесь просто слишком мало света! Только нажав на колесико,

он понимает, что сейчас может превратиться в живой факел. Но уже слишком поздно. Свет в темноте кажется ярким, пугающим. Уильям сжимается, но пары солярки не воспламенились, и пламя не занялось. Юноша поднимает глаза и видит перед собой нечто настолько ужасное, что даже не сразу понимает, что это.

Со стропил на потертой оранжевой веревке из синтетического волокна свисает человек, его голова неестественно наклонена. Это крупный мужчина, совершенно голый, и синеватая плоть свисает с его груди и ягодиц, как слишком свободный костюм. Между ног его висят петли чего-то гладкого, блестящего, а живот разрезан и зияет, как чудовищная ухмылка. Огонек зажигалки отбрасывает тень убитого на поцарапанные и покрытые граффити стены, и она пляшет, как будто призраки приветствуют вновь прибывшего. За висящим трупом Уильям видит лицо Кейт — бледное, застывшее от ужаса, с широко раскрытыми глазами. Ему приходит в голову дурацкая мысль: разлитая солярка предназначена для сельского хозяйства, и Акизное управление добавило к ней красный краситель в знак того, что она не облагается налогом. Но тут он понимает: это кровь. Густая, липкая, засыхающая у него на руках коричневой пленкой.

Глава первая

I

Ночь. Тепло и душно, как бывает только в конце лета. Фину трудно сосредоточиться. Темнота маленького кабинета — словно большие мягкие черные руки, вжимающие его в кресло. Круг света от настольной лампы режет глаза, притягивая и одновременно ослепляя, так что трудно сосредоточиться на записях. Компьютер еле слышно гудит в тишине, его экран мерцает на самой границе поля зрения. Фин давно должен был лечь спать, но ему нужно закончить сочинение. Открытый университет — его единственная отдушина, а он все тянул со сдачей. Как глупо с его стороны.

Фин слышит какое-то движение у двери, за спиной, и сердито оборачивается. Он думает, что это Мона, но ругать оказывается некого. Фин в удивлении смотрит на мужчину — такого высокого, что стоять прямо у него не получается, и он вы-

нужден склонять голову набок, чтобы не задевать ею потолок. Потолки в квартире невысокие, но все равно рост у мужчины два сорок, не меньше. У него очень длинные ноги, темные брюки собираются в складки в самом низу, у черных ботинок. Клетчатая хлопчатобумажная рубашка заправлена в брюки, на поясе — ремень, а поверх всего — куртка-анорак. Она расстегнута, воротник поднят, но капюшон опущен. Руки мужчины висят как плети, видны запястья — рукава слишком короткие. На вид ему лет шестьдесят: печальное морщинистое лицо, темные невыразительные глаза. Грязные седые волосы свисают за ушами. Мужчина молчит. Просто стоит и смотрит на Фина, в морщинах на лице лежат глубокие тени от света настольной лампы. Господи, что он здесь делает?! Волоски на шее и руках Фина встали дыбом, страх обволол его, словно густой туман.

И тут словно издалека он услышал собственный голос, хнычущий в темноте: “Стра-анный челове-ек...” А человек все стоял и смотрел. “Там стра-анный челове-ек...”

— Что с тобой, Фин? — Мона трясла его за плечо. Он открыл глаза, сонный, все еще ничего не понимая, увидел ее перепуганное лицо и услышал собственный стон: “Стра-анный челове-ек...”

— Боже, что случилось?

Фин отвернулся от жены, лег на спину и попытался отдышаться: сердце до сих пор бешено колотилось.

— Просто сон. Дурной сон.

Но человек в кабинете все еще стоял перед его глазами, как в детском кошмаре. Фин взглянул на часы на тумбочке: четыре часа семь минут. Больше ему не уснуть, это ясно. Во рту сухо, даже сглотнуть трудно.

— Ты меня до смерти напугал.

— Прости, — Фин откинул одеяло, опустил ноги на пол. Закрыв глаза и потер их, но образ человека из сна остался, будто был выжжен на сетчатке.

— Ты куда?

— В туалет.

Он тихо прошел по ковру и открыл дверь в коридор, залитый лунным светом. Переплеты псевдо-георгианских окон рисовали на полу геометрический узор. На полпути к ванной видна была открытая дверь кабинета, внутри — темно, как в яме. Фин вздрогнул, вспомнив высокого мужчину, который был там в его сне. Он до сих пор стоял перед глазами, как живой.

У двери в ванную Фин остановился, как делал каждую ночь уже почти четыре недели. Взгляд его притягивала распахнутая дверь в конце коридора; комнату за ней заливал лунный свет. Занавески должны были быть задернуты, но не были: в комнате не осталось ничего, кроме ужасной пустоты. С тяжелым сердцем Фин отвел глаза и вытер со лба холодный пот.

Звук льющейся мочи наполнил ванную успокаивающим ощущением обыденности. Тишина все-

гда приносила с собой депрессию, но сегодня обычная пустота оказалась заполнена. Мужчина в куртке-анораке вытеснил все прочие мысли и образы. Фин задумался: а вдруг он его знает? Возможно, ему знакомы это длинное лицо, отросшие волосы? И вдруг он вспомнил, как Мона описала полиции водителя той машины. На нем была куртка, возможно, анорак; мужчина, на вид около шестидесяти лет, волосы седые, неопрятные...

II

В город Фин поехал на автобусе. Ряды многоквартирных домов из серого камня проплывали за окном, как кадры из скучного черно-белого фильма. Он мог поехать на машине, но водить в Эдинбурге — то еще удовольствие. К тому времени, когда Фин добрался до Принцес-стрит, облака разошлись, и волны солнечного света обрушивались на замок и зелень садов. Туристы, приехавшие на фестиваль, собрались вокруг уличных актеров, те глотали огонь и жонглировали булавами. На ступенях картинной галереи играл джаз-бэнд.

Фин вышел на станции “Уэйверли” и прошел по Бриджес в старый город, на юг, мимо университета, а затем свернул на восток, в тень Солсбери-Крэгс. Косые лучи солнца освещали зеленый склон, поднимающийся к скалам, которые возвышались над зданием отделения городской полиции.

В коридоре наверху ему кивали знакомые лица. Кто-то положил руку на плечо и выразил соболезнования; Фин молча кивнул.

Старший инспектор полиции Блэк едва поднял голову от бумаг и указал на стул по другую сторону стола. Лицо у него было худое и бледное, пальцы пожелтели от никотина. В его взгляде, когда он наконец посмотрел на Фина, было что-то ястребиное.

— Ну, как там Открытый университет?

Фин пожал плечами:

— Нормально.

— Я ни разу не спрашивал, почему тебя тогда выгнали. Университет Глазго, да?

Фин кивнул.

— Я был молод, сэр. И глуп.

— А почему ты пошел в полицию?

— Так в то время поступали все, кто приезжал с островов, у кого не было ни работы, ни профессии.

— Так у тебя были знакомые в полиции?

— Да, я знал кое-кого.

Блэк посмотрел на него задумчиво:

— Ты хороший полицейский, Фин. Но ты хочешь чего-то другого, да?

— Полиция для меня — это жизнь.

— Она была твоей жизнью. Еще месяц назад. А то, что случилось... Да, это трагедия. Но жизнь продолжается, надо жить дальше. Все понимали, что тебе нужно оплакать потерю. Бог свидетель, мы видим на службе много смертей и знаем, каково это.

Фин посмотрел на него с негодованием:

— Вы не знаете, каково это — потерять ребенка!

— Не знаю, — в голосе Блэка не было ни капли сочувствия. — Но я терял близких людей и знаю: это надо просто пережить. — Он сложил ладони перед собой, как будто молился. — А жить своей потерей — это неправильно, Фин. В этом есть что-то патологическое, — Блэк поджал губы. — Тебе пора решить, чем ты отныне будешь заниматься. Пока ты этого не решил, я хочу, чтобы ты вернулся к работе. Конечно, если здоровье позволяет.

И Мона, и коллеги, и друзья в один голос советовали Фину вернуться к работе. Пока он отказывался, потому что не представлял, как сможет вернуться к тому, чем жил до аварии.

— Когда?

— Прямо сейчас. Сегодня.

Фин был потрясен.

— Мне нужно время...

— У тебя было время, Фин. Возвращайся — или уходи.

Блэк не стал ждать ответа. Он потянулся через стол, вытащил одну из папок-скоросшивателей, лежавших на столе неопрятной стопкой, и подтолкнул к подчиненному:

— Помнишь убийство на Лейт-Уок в мае?

Фин кивнул, но не стал открывать папку. Он и так слишком хорошо помнил голое тело, подвешенное на дереве между церковью пятидесятников и банком. На стене висел плакат с надписью: “Иисус

хранит нас”. Фин тогда подумал, что отличная получилась бы реклама: “Иисус хранит деньги в Банке Шотландии”.

— Случилось еще одно убийство, — сказал Блэк. — Тот же почерк.

— Где?

— На севере, в Северном управлении. Его нашла наша система ХОЛМС. Это от нее исходит предложение привлечь тебя к расследованию, — Блэк моргнул — у него были длинные ресницы — и скептически посмотрел на Фина. — Ты ведь говоришь по-местному?

— На гэльском? — удивился Фин. — Я на нем не говорил с тех пор, как покинул остров Льюис.

— Тогда тебе пора его освежить. Убитый — из твоей родной деревни.

— Из Кробоста?!

— Да. Был на пару лет старше тебя. А звали его... — Блэк взглянул на листок перед собой. — Макритчи. Ангус Макритчи. Ты его знаешь?

Фин кивнул.

III

Солнце заглядывало в окно гостиной, словно упрекая их в том, что они несчастны. В неподвижном воздухе висели пылинки. Было слышно, как на улице дети гоняют мяч. Всего несколько недель назад там мог быть и Робби. На каминной полке тикали

часы, отмеряя минуты молчания. Глаза Моны были красными, но слезы уже высохли — их заменил гнев.

— Я не хочу, чтобы ты ехал, — это прозвучало уже не в первый раз.

— С утра ты хотела, чтоб я пошел на работу.

— Но я хотела, чтобы потом ты вернулся домой. Я не хочу сидеть здесь одна! — Она судорожно втянула воздух. — С воспоминаниями... И... И...

Мона могла так и замолчать, не закончив предложения. Фин решил помочь ей:

— И с чувством вины?

Он никогда не говорил, что винит ее в том, что случилось, но на самом деле винил. Хоть и понимал, что это бессмысленно.

Мона посмотрела на него с такой болью, что он немедленно пожалел о своих словах.

— В любом случае, это всего на несколько дней, — Фин провел руками по своим светлым кудрявым волосам. — Думаешь, я хочу ехать? Я не возвращался туда восемнадцать лет.

— А сейчас ты пользуешься ситуацией, чтобы сбежать! Сбежать от меня.

— Это просто смешно!

Но он знал, что она права. Это бегство от всех бед и проблем, туда, где жизнь когда-то казалась простой. Возвращение в детство, назад в утробу. Теперь так просто забыть о том, что он прятался от этого всю свою взрослую жизнь. О том, что подростком он ничего так сильно не хотел, как покинуть остров.

Фин вспомнил, как легко было жениться на Моне. Для этого нашлись тысячи причин, кроме одной, настоящей. Ему нужен был кто-то рядом, нужен был предлог, чтобы не возвращаться. Но за четырнадцать лет им удалось лишь создать пространство, которое они просто занимали вместе, но никогда не делили. Они были друзьями, тепло относились друг к другу, но вряд ли в их жизни была настоящая любовь. Как очень многие пары, они предпочли синицу в руке журавлю в небе. Робби был мостиком между ними, но теперь Робби нет...

— Ты представляешь, каково мне было все это время? — сказала Мона.

— Думаю, да.

Она покачала головой:

— Нет. Тебе не приходилось быть рядом с тем, кто упрекает тебя даже своим молчанием. Фин, ты считаешь, что во всем виновата я. Но знаешь что? Как бы ты ни винил меня, сама я все равно виню себя в десять раз больше. И еще... Это и моя потеря. Он был и моим сыном, — у Моны на глаза снова навернулись слезы. Фин не мог собраться с духом и хоть что-то сказать.

— Я не хочу, чтобы ты ехал!

Ну вот, опять...

— У меня нет выбора.

— Есть! Выбор всегда есть. Ты сам решил не ходить на работу — и не ходил. И на остров ты можешь не лететь. Просто откажись, и все.

— Я не могу.

— Фин, если ты завтра сядешь в самолет...

Он ждал ультиматума, а она собиралась с духом, чтобы предъявить его. Безуспешно.

— Что, Мона? Что будет, если я завтра сяду в самолет? — он вынуждал ее сказать это, чтобы виноватой оказалась она.

Женщина отвернулась, до крови прикусила губу.

— Не думай, что я буду здесь, когда ты вернешься. Вот и все.

Он долго смотрел на нее.

— Возможно, так будет лучше.

Двухмоторный самолет на тридцать семь мест вздрогнул под порывом ветра и накренился, чтобы сделать круг над Лох-а-Туат и приземлиться в аэропорту Сторновэя. Плотная низкая облачность осталась позади, и Фин увидел свинцово-серое море и белую пену прибоя на черной скале, выдававшей из полуострова Ай, — этот клочок земли называли Пойнт. Внизу проплывали рывины, похожие на окопы времен Второй мировой войны — впрочем, их выкопали ради тепла. Здесь столетиями добывали торф, и на ровной безликой поверхности болота остались отметины. Вода в бухте выглядела холодной даже на расстоянии, поверхность ее морщил вечно дующий ветер. Фин забыл об этом ветре, о том, какую силу он набирает, пролетая три тысячи миль над Атлантикой. Кроме укрытия гавани Сторновэя, на острове почти не было деревьев.

Полет длился час, и все это время Фин старался не думать: ни о том, что наконец возвращается на родной остров, ни о том, в какой ужасной тишине он уходил из дома. Мона провела ночь в комнате Робби. Собираясь, Фин слышал, как она плачет в другом конце коридора. Утром он ушел без единого слова. Он знал, что, закрывая за собой дверь, оставляет позади всю прошлую жизнь с Моной. И вот внизу проплывают знакомые постройки взлетного поля, а вдалеке виднеется новое здание паромного терминала... Он так давно здесь не был! Фина захватили воспоминания, к которым он оказался совершенно не готов.